DOI: 10.31857/S032103910017370-0

ИМПЕРИИ ДРЕВНОСТИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В НИЖЕГОРОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО «ПУТИ ИМПЕРИЙ: МОДЕЛИ, ПРАКТИКИ, ДИСКУРСЫ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЙ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ»

(Нижний Новгород, 3–5 декабря 2020 г.)

В Институте международных отношений и мировой истории ННГУ 3–5 декабря 2020 г. состоялась представительная международная конференция «Пути империй: модели, практики, дискурсы наднациональных политий от древности до современности» в рамках XVII чтений памяти профессора Н.П. Соколова. Конференция была организована при участии Института всеобщей истории РАН и прошла в онлайн-формате. Предлагая такую тему, организаторы конференции исходили из того, что исторические судьбы и опыт империй не только вызывают закономерный исследовательский интерес, но в большей или меньшей степени продолжают оказывать влияние на политические и социокультурные процессы в современных государствах, многие из которых связаны с имперскими формациями прошлого прямой исторической преемственностью. Прошлое и настоящее империй и империализма является темой, ключевой для многих социально-гуманитарных дисциплин, но прежде всего истории. Неослабевающий интерес к феномену империй, несомненно, питается актуальной политической повесткой, связанной в том числе с «постимперскими шоками», процессами глобализации, обостряющимися противоречиями и конфликтами в современном мире, имеющими как геополитические, так и цивилизационные истоки. Участники конференции рассмотрели широкий круг актуальных проблем исследования имперских государств прошлого и настоящего, от Древнего Востока до раннего Нового времени и современного глобального мира. Из более чем 60 докладов, представленных на конференции, 35 были посвящены различным аспектам истории и историографии империй и империализма в древнем мире.

Связь исторического опыта Римской мировой державы с актуальными проблемами изучения имперских формаций прошлого и современности стала предметом доклада *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «*Imperium Romanum* – парадигматическая империя? Об образцовости и уникальности римского империализма», который открыл работу конференции на первом пленарном заседании. По мнению докладчика, широко распространенная в научной литературе и политической публицистике характеристика Римской державы как архетипической империи, прообраза последующих имперских государств далеко не всегда оправданна и нуждается в корректировке с учетом как критической оценки существующих теорий и дефиниций империй и империализма, так и исторического своеобразия созданного римлянами государства.

На двух заседаниях секции «Имперский опыт Древнего Востока и греческого мира» были представлены и обсуждены 12 докладов. *В.А. Иванов* (Москва) в докладе «Царские победные памятники Новоассирийской державы» рассмотрел принципы размещения царских монументов, уделив основное внимание Ассирии во времена Саргонидов (конец VIII – третья чет-

верть VII в. до н.э.). Проанализировав аккадские термины, использовавшиеся для обозначения царских стел, и тексты, вырезанные на монументах, а также ассирийские царские анналы, содержащие упоминания о них, и географическое расположение известных памятников, автор пришел к выводу, что с образованием обширной Ассирийской державы привычные места для расположения стел вошли в ее состав, поэтому система их установки изменилась. Ассирийские принципы пропаганды отразились позднее в персидском официальном стиле, а так как ассирийских памятников сохранилось гораздо больше, чем персидских, представляется возможным экстраполировать ассирийскую практику и на времена существования державы Ахеменидов. Оценки сотрудничества египетской элиты с персидскими завоевателями в современной египтологической литературе стали предметом доклада *Д.А. Изосимова* (Москва) «Проблема “коллорационизма” египетских вельмож времени Первого персидского владычества в историографии XX—XXI вв.». Термин «коллорационист» в египтологии стал использоваться после Второй мировой войны и в течение долгого времени употреблялся лишь по отношению к представителям египетской элиты, сотрудничавшим с персами и занимавшим высокие посты в персидской администрации. Лишь в последней четверти XX в. устоявшееся в историографии представление о «коллорационизме» египетских вельмож подверглось критике; внимание было обращено на цели сотрудничества представителей египетской элиты с завоевателями-персами и способы взаимодействия с «имперской» администрацией. Соответственно, в ряде новейших работ деятельность ряда вельмож оценивается как «посредничество между двумя противоположными идеологиями», между персами и египтянами. *Э.В. Рунг* в докладе (Казань) «*Nomen cognomen est*: имена как прозвища в царской династии империи Ахеменидов» обосновал вывод о том, что обычай метономасии (переименования) появился в династии Ахеменидов только после смерти Артаксеркса I, а первым царем, о котором определенно известно, что он поменял свое имя, был Дарий II Ох. В дальнейшем переименования стали регулярными, и чаще всего они объясняются особенностями династической ситуации, когда во главе государства оказывался царь, который ранее не предполагался в качестве наследника; в ином случае персидские цари были склонны использовать династические имена, тем самым еще с момента именнаяречения представляя своим подданным будущего наследника и выделяя его из всей массы царских сыновей. Перечень тронных имен ограничился именами Дария и Артаксеркса, тогда как династические имена могли включать имена Дария, Ксеркса и Кира. Однако в ряде случаев греки использовали личные имена персидских царей в качестве прозвищ. Это можно предположить в отношении Дария II Оха, но определенно характерно для Артаксеркса III Оха. Как минимум в одном случае (Арсес) греки именуют персидского царя только по личному имени, не упоминая вовсе его тронное имя (Артаксеркс).

И.Е. Суриков (Москва) в докладе «Афины как “новая Персия”: имперские амбиции в Греции V в. до н.э. и их крах» показал, как постепенное нарастание в Афинском морском союзе имперских амбиций полиса-гегемона сопровождалось латентной варваризацией. Анализ некоторых релевантных эпизодов из политических биографий ведущих афинских государственных деятелей (Фемистокла, Кимона, Перикла, Клеона, Алкивиада) подтверждает, что результат подобного развития событий был действительно плачевен: в период Пелопоннесской войны латентная варваризация социума стала уже очевидной, что явилось одной из причин поражения Афин и крушения их «великого проекта», предполагавшего беспрецедентное развитие демократических институтов, превращение «города Паллады» в красивейший в Элладе, а также достижение им лидерства во всем греческом мире, перехват у Спарты статуса гегемона. Вместе с тем создание державы «имперского» типа, нарастающее «закручивание гаек» таило в себе скрытые угрозы. Афины, в сущности, прошли тем же путем, что Персия до них: от побед, торжества, усиления — к бедам, поражениям и упадку. Афины, «уподобляясь» разгромленной Персии, в каких-то ситуациях превзошли жестокостью и ее самое. Тема афинского «империализма» была затронута и в докладе *О.И. Александровой* (Санкт-Петербург) «Обращение к мифам: пути обоснования Афинами прав на территории вне Аттики в V в. до н.э.». В нем был рассмотрен один из способов обоснования афинским государством прав на эти территории — обращение к различным мифологическим сюжетам и героям. Анализ политики афинян в отношении городов Эвбеи, Скироса, Амфиополя и ряда других территорий показывает, что при необходимости убедить союзников в правомерности захвата той или иной территории либо в законности обладания вновь основанным городом афиняне обращались к образам легендарных афинских героев или же конструировали и распространяли новые мифы и предания, призванные

связать историю того или иного города с Афинами. Однако подобная политика была скорее исключением, чем правилом, поскольку по большей части Афины не заботились о действительно убедительном обосновании своих прав на ту или иную территорию, используя для распространения влияния свое военное могущество. *В. С. Кореньяк* (Ярославль), выступивший с докладом «Беотийский полис Платеи и фиванский гегемонизм: фронтир или окраина “империи”?», обратился к дискуссионному вопросу о специфике взаимоотношений Платей с влиятельными соседями и попытался выяснить, допустимо ли считать этот полис центром беотийской оппозиции гегемонии Фив или же афинским аванпостом в Парасопии. По мнению автора, с конца VI в. до н.э. Платеи становятся особой зоной пограничья между двумя серьезными игроками общегреческой политики, стремившимися к гегемонии, — Фивами в Беотийском союзе и Делосской симмахией. Особенности положения платейского полиса становятся понятнее, если рассматривать его как своеобразный фронтир и как окраину контролируемого пространства каждого из названных гегемонов.

История эллинистического мира была представлена в шести докладах, посвященных как конкретным проблемам, так и концептуальным вопросам. *Е. М. Берзон* (Москва) в докладе «Цилиндр Антиоха I в контексте селевкидской царской идеологии: основные подходы и перспективы исследования» обратилась к истории изучения и интерпретации единственной клинописной царской надписи эпохи эллинизма. Этот уникальный источник позволяет раскрыть многие проблемы селевкидской истории *sub specie Babylonienensis*. За всю историю изучения памятника он привлекался для рассмотрения самых разных проблем — политической идеологии первых Селевкидов, взаимодействия эллинистических царей и локальных элит и т.д. Перспективными для дальнейшего исследования видятся следующие темы: селевкидская политика в Вавилонии и ее связь с нововавилонскими концептами, теологическая составляющая царской идеологии, авторство и цель этого текста. *А. Л. Зелинский* (Киев, Украина) выступил с докладом «Эволюция птолемеевской монархии как общественно-политической институции (конец IV — конец III до н.э.)». Он отметил, что монархия Птолемея объединяла две составляющие: македонскую базилией и египетскую власть фараона. Основополагающим проявлением первой была активная завоевательная политика, непосредственно проводимая басилевсом. Важнейшей функцией фараона являлось соблюдение сакрально-ритуалистических обязанностей. Эти функции были взаимозависимы; при этом усиление одной функции приводило к ослаблению другой, и динамика этого соотношения определяла характер институциональной эволюции птолемеевской монархии. Взгляд на историю государства Птолемея через призму данной эволюции позволяет, по мнению докладчика, предложить кардинально новую концепцию исторического развития этого имперского образования от Птолемея I до Птолемея IV и его преемников. *М. М. Холод* (Санкт-Петербург) в докладе «Сатрапы Сирии при Александре Великом» остановился на вопросе об управлении Сирией при македонском царе. По его мнению, после завоевания македонянами этого региона (333–332 г. до н.э.), который прежде являлся единым в административном отношении (персидская сатрапия «Заречье»), на его территории были образованы две провинции — одна на севере и другая на юге. Однако еще при жизни Александра, вероятно, в 329/328 г., Сирия была вновь объединена в одну провинцию и таковой досталась в управление Лаомедонту при распределении сатрапий в Вавилоне в 323 г., сразу после смерти македонского монарха. *С. К. Сизов* (Нижний Новгород) в докладе «Федеральное гражданство и мобильность населения в Ахейском и Этолийском союзах (III–II вв. до н.э.)» выступил с критикой бытующего в современной научной литературе мнения, согласно которому создание федеративного государства в Греции в значительной степени разрушало непринимаемые прежде границы между гражданскими коллективами полисов, поскольку, в частности, право собственности на недвижимое имущество теперь могло принадлежать и гражданам других союзных городов, что могло повлечь за собой значительный рост мобильности населения. Углубленный анализ эпиграфических и других источников демонстрирует, что практика приобретения земельных участков и домов за пределами родных полисов была не столь уж распространенной и имела неясные пока правовые основания. Нельзя, в частности, утверждать, что происходила активная скупка земель узким кругом земельных магнатов; не оставили никаких следов и возможные миграции гражданского населения из перенаселенных областей в те, которые обладали резервом земельного фонда. Можно только полагать, что некоторые богатые и влиятельные люди приобретали себе дома в престижных торговых, культурных и религиозных центрах, расположенных в той же федерации или на-

ходящихся в зависимости от нее, однако пока невозможно судить, способствовали ли этому привилегии, вытекающие из союзного гражданства, или в каждом случае право купить дом предоставлялось в индивидуальном порядке. Предметом доклада *О.Л. Габелко* (Москва) «Запад Востока: Mittelstaaten и “недоимперии” эллинистической Малой Азии в историографии последних десятилетий» стали историографические концепции, касающиеся особенностей государственной организации и внешнеполитической деятельности государств «второго эшелона» в эллинистической Малой Азии как уникального геополитического комплекса, состоявшего из разнородных элементов, но обладавшего несомненным единством. Такие государства, как Пергам, Вифиния, Понт, Каппадокия, Галатия, в отдельные моменты играли немаловажную роль в поддержании (или смещении) «баланса сил» в римско-эллинистическом мире и могут быть оценены в перспективе эллинистического и римского империализма. Заседания секции завершил доклад *Е.А. Молева* (Нижний Новгород) «Рабы в войнах Митридата Евпатора». В нем был поставлен вопрос о том, в какой мере мероприятия понтийского царя в отношении рабов могут свидетельствовать о наличии у него планов социального переустройства общества. Митридат впервые упомянул рабов в своем указе об истреблении римлян, изданном в Эфесе в 88 г. до н.э., призвав их доносить на своих господ. В последующих указах царь освобождает рабов и призывает на службу в свою армию. Эти призывы относятся только к рабам римской провинции Азия, завоеванной Митридатом. По сообщению Аппиана, Митридат знал о восстании рабов в Италии под руководством Спартака. Эти сведения некоторые исследователи трактуют как наличие у царя широкомасштабного плана социальных реформ. Но в ряде сообщений античных авторов упоминаются и действия римлян по отношению к рабам, практически не отличающиеся от действий Митридата. Все это не позволяет говорить о наличии у царя Понта плана социальных реформ, его действия по отношению к рабам диктовались исключительно задачами борьбы с Римом.

В рамках второй античной секции «Рим: идеология, репрезентация и практика мировой державы» заседания проходили в двух подсекциях. Работу первой из них «Идеи и образы Imperium Romanum» открыл доклад *Я.Ю. Межеричко* (Кёльн, ФРГ) «Идеология и имперская политика Рима (проблема взаимодействия)». По мнению автора, римский империализм как идеологический феномен, во многом определявший внешнюю политику, вырос на ценностях римской civitas и менял свое содержание в ходе завоеваний и под влиянием политической мысли эллинизма, что вело к интеграции провинций в римское государство и превращению гегемонии в космополитическую Римскую империю. Тысячелетняя история Рима дает примеры трех вариантов взаимодействия идеологии и политики: 1) идеология обслуживала политику; 2) идеология и политика представляли собой неразделимый тандем; 3) идеология, опираясь на изменения в общественном сознании, подготавливала или даже направляла политические изменения. *А.М. Сморгнов* (Москва) свой доклад «Гражданственность и державность в сочинении Валерия Максима: анализ терминов civitas и imperium» посвятил противоречию, характерному для социально-политической организации древнего Рима, – между малой общностью (гражданской общиной) и мировой державой. Для Валерия Максима феномен «римской державы» (imperium Romanum) означален и существует сам по себе, вне исторического времени и реального пространства. Первый аспект выразился в том, что писатель употребляет термин imperium даже в рассказах о начальных этапах истории Рима, что создает ощущение некоего вневременного единства. Поскольку Валерий Максим не историк, ему не важен исторический контекст, важнее суть и мораль, содержание и эффект, хотя в ряде случаев он все же указывает, что речь идет о будущей «державности» Рима. Второй аспект выражался в идее мирового господства Рима, причем уже воплощенной в жизнь, несмотря на очевидное противоречие с действительностью. Такие взгляды явно отражают влияние «римского мифа», получившего наиболее полное развитие при Августе. Империя у Валерия Максима предстает как достоинство граждан: imperium (Romanum) фактически приравнивается к imperium populi Romani, хотя последний термин он употребляет довольно редко. В докладе «Imperium Romanum “sine fine” и orbis terrarum на Певтингеровой карте мира» *А.В. Подосинов* (Москва) обратился к анализу имперской пространственной идеологии на картографическом материале. Выступив против мнения тех исследователей, которые видят в Певтингеровой карте продукт эллинистической географии и отрицают наличие на ней римских имперских мотивов, докладчик аргументировал вывод о том, что Певтингерова карта отражает именно римский взгляд на соотношение Римской империи и ойкумены (imperium и orbis terrarum), являя собой прекрасный образец

воплощения в картографической форме идеологической программы римского империализма. А. Пустеллато (Венеция, Италия) представил доклад «*Ad Caspias Portas: Nero and the Eastern Limits of the Roman Empire*», в котором рассмотрел дискуссионный вопрос о действительных целях восточного похода, планировавшегося Нероном. Хотя парфянская держава оказалась неодолимым противником Рима, многие античные авторы (Лукан, Плиний Старший, Тацит, Светоний) развивают мысль, что Нерон намеревался продвинуть границы империи за Евфрат, «до Каспийских ворот» — *ad Caspias Portas* (Plin. *NH*. VI. 40). Разбирая противоречивые свидетельства, прежде всего представления Лукана о географических пределах Римской империи при Нероне, автор усматривает за поэтическим повествованием Лукана о битве при Фарсале скрытую пессимистическую оценку внешней политики Нерона. Помпей Великий, выступающий пропагандистом взглядов Лукана, использует географические и астрономические аргументы, чтобы оправдать ограниченное расширение Римской империи и четко отделить ее от восточного мира. При этом поэт, вероятно, критикует стремление Нерона стать равным Александру Великому — единственному правителю, покорившему земли далеко за Евфратом. В докладе К. В. Маркова (Нижегород) «Исторические параллели и аналогии в репрезентации Римской империи Элием Аристом и Флавием Филостратом» были рассмотрены пассажи из «Похвалы Риму» Элия Аристада и «Жизни Аполлония Тианского» Флавия Филострата, в которых Рим сопоставляется с великими державами прошлого, созданными персами, афинянами, спартанцами, македонянами. По мысли автора, концептуальный характер подобных аналогий заключался, с одной стороны, в репрезентации римской державы как своего рода «конца истории», а с другой — в выражении критического отношения к некоторым аспектам имперских реалий. Вместе с тем империя, даже при осознании и акцентировании определенных издержек, представлена читательской аудитории как часть общего для греков и римлян бытия и исторического опыта, как единое для всех пространство, где и Европа, и Азия в конечном итоге оказываются включенными в греко-римский мир, пусть даже в трактовке Аристеда и Филострата он выглядит скорее греческим, нежели римским. К. С. Данилочкина (Москва), выступившая с докладом «Стены в Британии как символ императорской власти», присоединилась к активной дискуссии, которая идет в современной историографии о цели и причинах создания Вала Адриана и Вала Антонина, построенных на территории римской Британии с разницей в несколько десятилетий и в незначительном отдалении друг от друга. За решениями императоров, которые привели к возведению этих сооружений, по мнению автора, следует видеть в первую очередь идеологические мотивы: эти стены на символическом уровне воплощали образ власти и могущества Рима в целом и Адриана и Антонина в частности. Но это не исключало их значения для реального укрепления границ и обеспечения контроля за положением дел в провинции. В докладе Ю. С. Обидиной (Нижегород) «Культ Диониса в структуре римской имперской идентичности» была поставлена проблема трансформации дионисийского культа в связи с формированием имперской идеологии Рима. Ритуальные практики Диониса находились в промежуточном пространстве между греческим, варварским и римским, и трансформационное значение культа лежит в «переархивировании» или переводе элементов, которые не являются присущими в чистом виде ни одной из культурных сред. Имперская идентичность, таким образом, возникает через некое «третье пространство», без которого культуры существовали бы сами по себе; соответственно Дионис служил мощным символом трансформации, а его отличительные двусмысленности создавали пространство для возникновения политических и культурных изменений и конфликтов.

Три доклада были посвящены египетской тематике: культу правителя в Египте императорского времени и образу Нила в искусстве и литературе раннего принципата. П. Д. Скоробогатова (Москва) представила доклад «Изменения в идеологии культа правителей в памятниках оазисов Западной пустыни I века н.э.», в котором пришла к выводу, что римское владычество внесло ряд значительных изменений в идеологию царской сакральности. Произошло снижение уровня сакральности царя, а его качества в ряде случаев были перенесены на божество, что нашло отражение в изобразительных программах храмов, в официальных и частных документах. Эти изменения прослеживаются в обособленном регионе оазисов Ливийской пустыни. Распространив контроль на оазисы Западной пустыни, римские власти преследовали в первую очередь экономические цели, но при этом должны были следовать традициям, связанным с почитанием правителя, возводить храмы, совершать ритуалы, принимать соответствующую титулатуру. В то же время римские правители внесли изменение в идеологию. В частности, по-

сколькo император отсутствовал в Египте и власть осуществлял префект, то жрецы совершали необходимые ритуалы от имени правителя. В царской титулатуре жрецы использовали римские имена правителя, сохраняя для них лишь собственно царские обозначения, которые в то время, вероятно, потеряли уже какой-либо реальный смысл и использовались для легитимации иноземных правителей. В докладе «О некоторых особенностях императорского культа в Египте: взаимовлияние египетских и греко-римских традиций в почитании правителя» *С.А. Качан* (Кишинев, Молдова) также сделал акцент на соотношении традиций предыдущих эпох и тех новшеств, что появились в египетской религии под влиянием греко-римских верований. Он, в частности, отметил, что традиционное представление о правителе Египта как умиротворителе, в образе которого примирены два бога-антагониста — Хор и Сет, сохранилось в римское время, как и идея справедливого порядка вещей — Маат, которая связана с устойчивым плодородием и победами правителя над врагами и которой соответствовали такие римские идеи, как переход к «золотому веку» и установление Pax Romana в результате действий римского императора. *М.С. Чисталев* (Нижний Новгород) в докладе «Визуализация образа Нила: культурно-географическая среда Нильских сцен и имперское мировоззрение сквозь призму литературы эпохи Юлиев-Клавдиев» обратился к сопоставлению литературного и визуального образов Нила в римской культуре, выделив общие черты и существенные различия в иконографии Нильских сцен и того риторического образа Нила, который создавался римскими авторами в период раннего принципата.

Завершил работу первой подсекции доклад *А.О. Куликова* (Нижний Новгород) «Римская империя в восприятии Сасанидов: равная империя или образец для подражания?», в котором была представлена попытка понять, какое место отводили Сасаниды Риму в мировой системе, как они видели его географические и культурные границы, как в западной политике сасанидских царей проявлялось их восприятие Рима как иной культурной и политической традиции, что и как представители персидской политической и культурной элиты заимствовали в культурном, политическом и социальном опыте римлян.

Разнообразные по тематике выступления прозвучали на заседании второй подсекции «Практики власти в Римской империи». *Б. Зиссу* (Рамат-Ган, Израиль) в докладе «The Second Jewish Revolt against Roman empire — an archaeological perspective» представил обзор и критический анализ новых археологических данных, проливающих свет на второе антиримское восстание иудеев под предводительством Бар Кохбы (Бен Косбы) в 132–136 г.н.э. В докладе «Когда был создан земельный кадастр Римской империи?» *М.Н. Кириллова* (Москва) проанализировала немногие имеющиеся сведения о времени формирования кадастра Августа и его содержании, отметив, что в правление первого принцепса скорее всего действительно имела место ревизия данных о всех межеваниях на территории Италии, поскольку к концу Республики был накоплен достаточно богатый опыт документирования результатов межеваний; Август же привнес в сложившуюся практику ряд уточнений, которые должны были сделать документацию более понятной и удобной для использования, прежде всего в налоговых целях. Несмотря на некоторые несовершенства, это начинание позволило обеспечить управление земельными ресурсами империи и сделало ее более устойчивой. В докладе «Положение кочевых племен в системе управления североафриканскими провинциями Римской империи при Антонинах» *Г.В. Усков* (Ярославль) показал, что во II в. н.э. римские власти по отношению к кочевым племенам североафриканских провинций проводили политику, в которой сочетались невмешательство в жизнь основной массы племени и целенаправленная романизация элит кочевников. В одних случаях кочевников переселяли на другие места, в других — ограничивали их сезонные передвижения, но предпочтение отдавалось мирным способам решения конфликтов, и это способствовало отсутствию в эпоху Антонинов крупных потрясений на территории североафриканских провинций. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург), выступивший с докладом «Мученики и Римская империя (по данным текстов II — начала IV в.)», отметил, что современные ученые часто обращают внимание на скрытый «подрывной» потенциал агиографической литературы по отношению к существовавшей системе социальных отношений в целом и к Римской империи в частности. В текстах II–III вв. римляне нередко проявляли подобие симпатии к верующим, уговаривая их отступить и сохранить жизнь или даже пытались прийти к какому-либо компромиссу, который позволил бы мученику выполнить требования властей, не переступая через свои идеалы. Диалог подсудимых и судей, иногда людей одного круга, был столкновением не садиста-наместника и добродетельного христианина, а двух систем — римского государства и Церкви; и то, что магистраты терпели в нем символическое поражение, демонстрировало крах системы правосудия и идеологии, стоявшей за ней. То, что было хорошо для эпохи гонений, перестало годиться для времени мира, и Евсевий Ке-

сарийский превращает это противостояние систем в столкновение праведника и негодяя, облеченного властью, часто подчеркивает жестокость пыток и казней, которым судьи подвергали христиан. Эти люди явно были недостойны своих должностей, только они ответственны за происходившие зверства, и Евсевий осуждает именно их, а не систему в целом. Критическому обзору современных подходов к изучению идентичностей в древних империях был посвящен доклад *К. Бэрона* (Саут Бенд, США) «Searching for Identity in Ancient Empires». Отметив, что понятие «идентичность», хотя оно зачастую не отличается четкостью, лежит в основе текущих дебатов о степени единообразия и разнообразия в Римской империи, автор предложил сравнить его приложение к изучению двух других древних империй — Ахеменидской Персии и Китая в эпоху Цинь и Хань. В случае Китая мы сталкиваемся с другим аспектом проблемы, поскольку Китайская Народная Республика считает себя частью непрерывной истории, уходящей корнями в эти древние империи. В случае же полиэтнической империи Ахеменидов вопрос «что значит быть персидским» ставится редко. Поэтому важно поставить вопросы о том, являются ли эти различия в подходах результатом фундаментальных различий между этими империями, или разницы в наличных источниках, или же дело в том, что для современного мира некоторые империи значат больше, чем другие. Проблема идентичности была рассмотрена и в докладе *Е.С. Зайцевой* (Екатеринбург) «Позднеантичная аристократия Рима в политической борьбе: корпоративная или имперская идентичность?» По мнению автора доклада, после принятия закона о гражданстве и унификации сенаторских рангов Констанцием II все граждане и даже вся аристократия были не в состоянии поддерживать прежние высокие требования к личным качествам гражданина и его поведению. В результате «старая» сенаторская аристократия стала рассматривать прежде всего себя как воплощение идеи Рима, как носительницу традиций предков, стараясь обеспечить их сохранность и преемственность. Это привело к возникновению сенаторской корпорации, закрытой для неопитов, стремившихся проникнуть в ее ряды, и аристократы активно отстаивали лишь сословную идентичность, а не государственную, как это было раньше, противопоставляя себя аристократии военной, церковной, чиновничьей. Эта корпоративная сенаторская идентичность проявилась в активном участии в политических процессах и поддержке узурпаторов, готовых признать сенаторские привилегии, в заключении договоров с варварами и Византией для отстаивания интересов своей группы, а не всей западной части империи, а также в разграничении городского символического пространства и подчеркивании элитарности своей корпорации.

Большой интерес и живое обсуждение вызвали пять докладов, представленных на секции «Методологические и историографические вопросы изучения империй древности». *И.А. Ладынин* (Москва) посвятил свое выступление теме «“Мировые державы” Ближнего Востока I тыс. до н.э. в теоретических схемах советской и постсоветской историографии древности». В докладе были подробно рассмотрены концепты крупных межрегиональных государств, исторические и историографические предпосылки их появления, их сильные и слабые стороны, а также вопрос о вкладе в объяснительную схему, выдвинутую *И.М. Дьяконовым*, его соавторов. В советской науке предпосылки к образованию имперских государств были выделены *В.В. Струве*, их значимость констатировалась в теоретических схемах *С.И. Ковалева* и *О.В. Кудрявцева*, однако с максимальной полнотой была осмыслена *И.М. Дьяконовым* в сотрудничестве с *Н.Б. Янковской* и *В.А. Яковсоном*. В объяснительной схеме, сформулированной этими учеными, в качестве предпосылок возникновения этих образований указывались потребность в захвате рабов, межрегиональное разделение труда между странами, производящими и потребляющими сырье, наступление железного века, сделавшее возможным совершенствование средств насилия, наличие у государств ближневосточной периферии сильных армий, потребность в наращивании прибавочного продукта извне в условиях исчерпания внутренних ресурсов для этого. В постсоветское время *В.А. Яковсон* отметил такую особенность, как сохранение на всем протяжении древности структур гражданского общества, в I тыс. до н.э. противостоявших империям и даже в их условиях имевших политические права. *В.В. Дементьева* (Ярославль) в докладе «Концепт империи Г. Мюнклера как теоретический инструментальный изучения держав древности: достоинства и недостатки» представила критический анализ известного труда Г. Мюнклера «Imperien. Die Logik der Weltherrschaft — vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten» (2005). Г. Мюнклер при построении своих моделей имперской государственности и имперского господства прибегает к примерам не только Римской державы, но и более ранних политических образований: Ассирии, Китая, Афинской архэ, царства Селевкидов, — что дает специалистам по древней истории возможность оценить методологический потенциал его концепции для исследования древневосточных и античных обществ, хотя теоретическое и методическое значение его обобщающих выводов шире при-

веденной им исторической конкретики. Выделяя такие типы империй, как *Landimperien* (сухопутные империи) и *Seeimperien* (морские империи), Мюнклер относит Римскую империю к первым, но, по мнению автора доклада, она имела черты и морских империй. Были также проанализированы процесс превращения римской гегемонии в Средиземноморье в империю и понятие «*augusteische Schwelle*» («августовский порог»), введенное М. Дойлем, которое Мюнклер использует как универсальное для обозначения перехода империи от фазы экспансии к консолидации. Также были затронуты такие понятия категориального аппарата Мюнклера, как «варварская граница», «мир империи», «имперская миссия», «сакральность державы», «империалистическое перенапряжение», «стратегии антиимпериализма». Актуальные проблемы современной историографии и методологические подходы в изучении римского империализма были рассмотрены в докладе *А.Е. Барышниковой* (Москва) «Разбирая империализм: проблемы и перспективы изучения социальной и экономической истории римской Британии». Предметом специального внимания стали те тенденции в изучении римской Британии, которые с очень большой долей условности можно определить как «левый поворот». Речь идет не о субъективно возникшем и политизированном направлении в историографии, но об объективно растущем интересе к проблемам, ранее находившимся на периферии исследовательского внимания, таким как жизнь «безмолвствующего» большинства населения провинции и различных маргинальных социальных групп, вопросы экономического развития региона в римское время, которые, вероятно, станут приоритетными в ближайшее время. *А.В. Махлаюк* (Нижегород) в докладе «Эдикт Каракаллы *de civitate peregrinis danda*: дебаты продолжаются» остановился на ряде новейших трудов, посвященных *Constitutio Antoniniana*. Отметив, что в начале 2010-х годов, в связи с 1800-летием принятия знаменитого эдикта, интерес к нему существенно возрос, автор доклада выделил три ключевых направления в его изучении (гиссенский папирус 40 как исторический источник, причины и контекст принятия этого акта, последствия массового предоставления гражданства) и остановился на идеях и выводах двух монографий: А. Имри (*The Antonine Constitution: An Edict for the Caracallan Empire*. Brill, 2018) и А. Бессона (*Constitutio Antoniniana: l'universalisation de la citoyenneté romaine au 3e siècle*. Basel, 2020). Имри, не предлагая какого-то радикального пересмотра прежних объяснений, акцентирует значение той конкретно-политической обстановки, правовой и культурной среды, в которой появился эдикт, и считает необходимым отказаться от стереотипного образа Каракаллы как «дурного» императора. Бессон, показывая, каким именно образом происходила эволюция в области наследования, личного и семейного статуса, оценивает последствия эдикта как «положительную революцию», представляющую собой разрыв с прежней политикой. *Е.В. Ляпустина* (Москва) в докладе «Манумиссии из Левкопеты: эдикт Каракаллы в действии?» обратилась к проблеме изменений и коллизий, которые могли возникать в правоприменительной практике провинций в связи с предоставлением их жителям римского гражданства. Важным свидетельством для изучения этого процесса служит ссылка на распоряжение (*κλέυσις*) наместника Македонии в 212 г. М. Ульпия Тертуллиана Аквилы в надписях, сообщающих об отпуске новоиспеченными римскими гражданами (например, Аврелием Посидонием) рабов на волю в традиционной для греческого мира форме дарения божеству, исключавшей автоматическое получение отпущенниками римского гражданства.

При подведении итогов конференции были отмечены значимость и многообразие проблем теоретического осмысления и сравнительного и конкретно-исторического изучения империй. Состоявшаяся в Нижнем Новгороде конференция, несомненно, послужит дальнейшему продвижению исследований в данной области.

Alexander V. Makhlayuk,

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: makh1@imomi.unn.ru

ORCID: 0000-0002-7758-2374

Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 20-18-00374

А.В. Махлаюк,

д.и.н., профессор, заведующий кафедрой
истории Древнего мира и Средних веков
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия